

СУДЬБА СОЛДАТА

Утоли мои печали

Время неумолимо. И подходят печальные сроки вспоминать и грустить об ушедших, дорогих сердцу людях. Вот уже год как нет мамы... Разбираю ее архив, смотрю на пожелтевшие фотографии, документы и сквозь горечь потери, сквозь подкатывающие слезы думаю о том, какая небывало тяжелая судьба досталась им, нашим родителям, бабушкам, дедушкам... Глубокая печаль этих дум то охватывает своей безысходностью, а то растворяется в суете и шуме повседневности. Но ни на миг не отпускает мучительный вопрос: почему же я подробно не расспросила маму о далеких годах ее детства и юности, о войне, которая принесла семье горе и слезы? Из всей нашей родни самая трагическая доля – это судьба маминого отца, Благовестного Трофима Ильича. И теперь снова и снова прошу рассказать о нем свою тетьку Анну Трофимовну, единственную из четверых детей моего дедушки, кто сейчас рядом с нами. В ее рассказах будто оживают мои предки и их трагическая великая эпоха.

Такая им досталась доля

Поженились Трофим и Настя в 1926 году и выдали им в сельсовете об этом бумагу, «Выпись о браке» она тогда называлась. Прописано в той бумаге, что он – хлебороб, а она – домохозяйка, именно так и было в те годы на селе – работа в поле да дома. Трудно было, бедно, но семья росла и детки, что рождались один за другим, только радовали – Аня, Катя, Павлик и Коля. Пережили коллективизацию, которая ох как круто обходилась с людьми, насмотрелись на раскулачивание односельчан, которые только тем и были виноваты, что работали от зари до зари, да не хотели голодом пропадать, обживались и хозяйством обрастали. Но простому человеку поди разберись в тех «мерах», которые власть к населению применяла.

Стор. записей актов гражданского состояния при <i>Алтайской губ. Земельном управлении</i> ВЫПИСЬ О БРАКЕ	
№ записи <i>35</i>	<i>Полужидово сельсовет</i>
Число и месяц заключения брака	<i>6 февраля 1926 г.</i>
Фамилия и имя	<i>Благовестный Трофим Ильич</i> <i>Лавочкин Анна Ивановна</i>
Место рождения (указать месяц и год)	<i>1. Алтайской 1. Февраль 1902 г.</i> <i>2. Кривошеинского уезда</i>
Постоянное место жительства (указать подробный адрес)	<i>Кривошеинского уезда, с/пос. Лавочкин, д. Благовестное, ул. Советская, д. 10</i>
Род занятий	<i>Хлебороб</i>
Семейное положение	<i>Холост, холост</i>
В который раз счел брак	<i>Первый</i>

Перемогли и голодные тридцатые годы на подножном корму – лепешки из травы, да похлебка, когда была хоть горсточка зерна или крупы в суп бросить. Выжили Трофим с Настей и всех деток в голод уберегли. Жизнь, хоть и тяжким трудом приправленная, налаживалась. Трофим уважаемым человеком был – председателем колхоза, но ночами жаловался муж жене, что работать не только тяжело, но и опасно: директивы власти выполнять было еще труднее, чем в былые времена.

А потом война грянула и завыли бабы в селе... С хутора Прогресс Либкнехтовского района (сейчас это Кочубеевский район) стали одна за другой уходить подводы с призванными на войну, в июле 41-го года на такой подводе увезли и Трофима Благовестного ... Старшие дочери обнимали отца, плакали, а младшие сыновья стыдились слез, отворачивались и прятали детские личики в подол матери. Потом детвора бежала за подводами, сколько сил хватило, и долго, пока не скрылись подводы из виду, махали платками да фуражками...

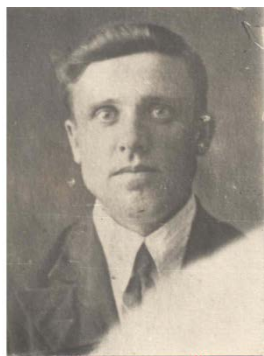
Попал Трофим в Ставропольскую кавалерийскую дивизию, со всего края лошадей собирали для новоиспеченных солдатиков. Приходили домой письма с фронта от Трофима, да только немного было понятного в тех письмах – где воюет и как. А потом и писем не стало, только ожидание и неизвестность. Настя работала в колхозе, да и дети не сидели дома – в военное время работать приходилось и старым, и малым. Старшие, Аня и Катя, трудились вместе с матерью в полеводческой бригаде, а хлопчики, Павлик и Коля, были на подхвате у взрослых – воду на бричке развозили и делали все, что было под силу. О тех временах много книг написано, а все же представить, что женщины поля пахали на быках и коровах довольно трудно, почти невозможно. Но выдюжили и дождалась Победу. Плакали от радости, родных с войны встречая, плакали от горя, получив похоронки... У тех же, чьи родные без вести пропали – застыло горе камнем в душе, только теплилась надежда на чудесное их возвращение.

Осенью 45-го в дождливый день зашла Настя криком, завидев, как к дому направляются двое – женщина и мужчина. Да это же Трофим! Неузнаваемый, изможденный, больной, но живой, живой! С ним медсестра, она сопровождала его из госпиталя далекого Подмосковья. Настя с детьми плакали и от радости, и от страдания, глядя на отца: где же те голубые бездонные глаза, что как синь неба были, где большие сильные руки, что так ласково и крепко обнимали когда-то детей?... Туберкулез кости, страшная болезнь, что скручивала человека невыносимой болью, что не давала забыться ни днем, ни ночью – такая участь уготована была простому русскому солдату.

Не сразу, не вдруг стали расспрашивать Трофима обо всем, что приключилось с ним за эти четыре страшных года. Да он чаще горько и мучительно морщился в ответ на расспросы. Старшая дочь Аня, которой тогда уже восемнадцать было, иногда брала его худые руки в свои, грела их губами, целовала и со слезами говорила:

– Папашечка, вы выздоровеете, мы вас выходим, лечить будем, только духом не падайте!

Потихоньку, совсем чуть-чуть, рассказал Трофим близким, что разгромили их немцы в одном бою, окружили и взяли в плен. Сотни русских солдат и офицеров были посажены в чистом поле, окруженные забором из колючей проволоки. Несколько недель пленные провели под открытым небом, на голой земле, потом погрузили их в эшелоны и повезли в концлагерь. Почти до конца войны пробыл он там, приходилось работать под землей, на каких-то секретных заводах, таскать тяжелые мешки и ящики, разгружая эшелоны. Однажды разгружали вагон с картофелем, немцы следили за каждым шагом и движением пленных. Но так терзал голод, так мутился разум изголодавшегося человека, что не удержался Трофим, потянулся за упавшей и покотившейся картофелиной... Немец заметил и со всей силы прикладом автомата ударил Трофима по спине. С того момента и начались в спине сначала редкие боли, потом все чаще и нестерпимее болел позвоночник и ломало все кости. Когда части Красной Армии освободили из плена заключенных концлагеря, Трофим попал в госпиталь.

Благовестный
Трофим Ильич

Вот и все из рассказов отца, что помнила Аня. В военные и послевоенные годы слово «плен» зачастую могло стать приговором не только солдату, но и всей его семье. Поэтому тихо, не жалуясь, не рассуждая и не досажая расспросами, лечили отца, как могли. Кто-то посоветовал тамбуканскую грязь, тогда снарядили Аню в Пятигорск.

Анна Благовестная

Как неопытная хрупкая девушка достала лечебную грязь, выпросив ее в каком-то санатории, как везла неподъемный рюкзак, как со слезами тащила его с вокзала до рынка, где односельчане были с подводами – рассказ грустный, от которого только плакать остается. Но довезла, дотащила – для больного отца ведь лекарство!

Показалось, что полегчало Трофиму от примочек с той грязью и посоветовал фельдшер повезти больного в Пятигорск, чтобы побольше процедур принять. Настя решилась ехать. На подводе по тряской дороге доехали до вокзала, там пересели на поезд. Не было тогда никаких лежачих мест, а даже просто попасть в поезд и как-нибудь ехать – это было уже удачей. Зная, какие у мужа приступы случаются, Настя захватила из дома подушку, на ней и пристроила мужа, – полусидя, полулежа. Кое-как доехали, кое-как выходить начали и тут вдруг стал Трофим от боли корчиться – снова приступ! Бросив подушку прямо на пол вагона, Настя уложила мужа, стала успокаивать и гладить по больной спине. И не было сил у бедной женщины ни стыдиться, ни оправдываться перед напившимися на них людьми, торопившимися к выходу... Вот так, с горем пополам, со слезами и мучениями, устроились в Пятигорске на квартиру, договорились о процедурах, а через две недели не менее трудно поехали назад.

Однако не помогло лечение и пришлось везти Трофима в Ставрополь. Председатель сельсовета Яков, хороший друг Трофима (у него и фамилия была подходящая – Дугов), дал линейку, так тогда называлась тележка двухместная с лошадей. Прощались мучительно горько, будто предчувствуя, что видятся в последний раз... Обнялись, плакали и тихо сказал отец Ане, утиравшей ему слезы:

– Донюшка моя, так жить хочется, так еще хочется побыть с вами рядом...

Отвезла Настя мужа, оставила в больнице краевой, а в следующий раз только через две недели вырвалась к нему поехать проведать. Но вынесли бедной женщине только узелок с вещами... Спросила, где похоронен – не сказали, а попросить или тем паче потребовать – не посмела, ведь слова «был в плену» страшно было произносить ...

Нам – жить и помнить

Однажды, когда еще была жива бабушка Настя, я спросила ее, сохранились ли какие-нибудь документы о дедушке Трофиме, чтобы похлопотать о пенсии вдовы, и она рассказала мне, что закопала документы в саду, как только приехала из краевой больницы. Там они и остались навсегда... И на вопрос – почему, зачем – я услышала:

– Ты не знаешь, какое страшное было время и думали, что будет еще страшней...

Трагическая, несправедливая и совсем не героическая судьба выпала русскому солдату с такой красивой, жизнеутверждающей фамилией – Благовестный... Но ведь война состоит не только из сражений, больших и малых, подвигов и героизма. Победу в той войне потому и называют Великой, что заплачено за нее великой ценой - великим множеством непрожитых человеческих жизней и нереализованных судеб, которые были отданы за нее и все приблизили этот долгожданный миг Победы – каждой малой своей частичкой. В нашей семье рассказ о такой частичке – дедушкиной судьбе, будет передаваться от поколения к поколению как неугасимая свеча памяти.

**Анна ЗАРЕНБИНА,
Невинномысское ЛПУМГ**